

Есть, есть еще на земле Югорской места родниковые, где испокон веков люд жил и живет от реки да от леса. Она земля родимая, а не власть копеечная кормит здесь человека. И хотя богаты недра землицы нашей, только местному-то человеку, увы, никакого прока от этого нет, а то, что иноземец нашим газом греется, на нашем газу ездит, а Газпром тучнее прежнего становится, так что тут сказать – и слава Богу, и на здоровье. Не хлебом единым и тем паче не мощною жива еще Сибирь-матушка, есть, скажу я вам, кое-что и поважнее.

Вот смотришь порою хрустальным-то утречком с яра-пристаньки на дали синие, сентябрем расписанные, да на горы дальние белоснежные, и так иной раз сердце-то ёкнет, аж слеза наворачивается. И кажется, что прямо под Богом раскинулся край наш Ляпинский с одним селом, в полторы тыщи душ, да таежною волюшкой на все четыре стороны.

А возьми-ка, к примеру, жителя городского да нахрапистого, так ведь в большинстве-то своем и не знает, сердешный, даже соседа по лестничной площадке, не то что по дому. Вот, а вы говорите – корни. А нашего спроси, так он не то что про своего пра-пра, а и про чужого все его три колена со всеми их вывертами назовет. И каждый-то на селе знает каждого, и шутку-то любят, и словцо, крепкое да острое. И через одного да у каждого к имени прозвище имеется, потому что Серёг да Вань много, а вот Серега-грузин или Ваня-барабан – на все село по одному.

Ну и живите и здравствуйте, милые моему сердцу люди добрые! Это, как говорится, присказка, а сам сказ-то еще впереди...

Романыча на селе народ знает как человека спокойного, рассудительного, веселого и, главное, незлобивого. И вот ведь тут, что самое-то интересное, если больше чем у половины жителей, а это в маленьких поселениях наблюдается повсеместно, имеются всякого рода клички и прозвища, то Романыч – только Романыч, и больше никак, настолько цельной души человек.

А ведь прозвища-то порою и обидные бывают, это как родимое пятно – приклеится с детства и, считай, на всю жизнь сургучинка. Еще деревенская повитуха, когда он народился, сказала его матери: «Это ж надо – в рубашку да на два раза пуповиной бантиком перевязала его безноса, а он – вот он! Жив-здоров! Не иначе как Богом целованный!»

Посмеялись все на радостях-то, да вроде как и забыли. И рос да рос себе мальчонка, не хуже и не лучше других. А тут как-то одну зиму, помню, снегу навалило, ну ни пройти ни проехать. А у ребятишек в эту пору одна забава – с конька крыш в сугроб сигать! Ох как дух-то захватывает, аж до визга, да и себя вроде как трусишкой показать-то не хочется, так что прыгали все – и мальчонки и девчонки. Прыгнул и наш Ромка, так штaketина-то, представьте, под фуфайку сзади и вошла пикой. Вот тогда и вспомнила матушка-то Ромкина – тетя Катя – слова ведуньи старой. И не раз за 48 лет его жизни приключалось с ним всякое, на грани, так

сказать, «дефолта», а ведь все легким испугом отделялся. Вот так к пятидесяти годам и состоялся наш простой русский мужик, коренной сибирик – Роман Романыч.

Ростом не высок, статью поджар, жилистый, скор на ногу, с чисто славянскими чертами лица. Как и все в деревне, работал он в зависимости от сезона – летом сено ставит на лошадь да двух коровок, осенью рыбу ловит, шишку-ягоду собирает, зимой пушнину промышляет. А иной-то работы боле и нет: ни казенной, ни колхозной. А всё – рынок, как сказала губернаторша наша, сейчас он правит миром. О как! Всю-то жизнь считал Романыч, что труд правит, оказывается – рынок. А кто и что на этот рынок принесет, не изготавив или не вырастив, а, Натальюшка? В общем, чем дольше думал Романыч, тем больше запутывался. Однако держался по жизни своей линии: как потопаешь – так и полопаешь.

Табакком мужик отродясь не баловался, выпивал горькую только по праздникам да на свадьбах и то, как говорится, для куражу, чтобы двухрядка в руках пела, а не кирпичом висела. Правда, была у него одна черта характера, которую он старательно скрывал от всех, даже от близких, потому как уж больно её стеснялся. Какая? А такая. Вот вроде и охотник до мозга костей, и зверобой, и лисятник, и соболятник, а на мураша-труженика наступить боится! Мышку дома по настоянию жены поймает, а на улице возьмет да и выпустит, про себя думая: «Не я тебе жизнь давал, не мне и отбирать». На улице оглянется по сторонам – и на столб – кошку спасать. Без лишней надобности талинку не срубит и ветку не сломит. Вот такой парадокс в мужике. Жалко, говорит.

А ведь Боженька и впрямь его любит, вот любит и все тут! И жену, спутницу верную да работающую выделил, сына послал, и двух дочек-кровиночек, послушных да ласковых. Ладно бы, так ведь старшая-то дочка еще и замуж вышла, и зятя доброго в дом привела, и что самое-то светлое, внука-богатыря они ему родили! Живет большая семья в большом, его руками рубленном доме, дружно и весело, обдумывают вечерами, как второй дом молодым построить, да и здоровьем вроде как не обижен, так чего еще желать-то?! Живи да радуйся в заботе да ласке. Вот и живет наш Романыч с собой в согласии, по совести, да трудами своими. А коли на дворе конец ноября и декабрь на носу, то и работа у него на сегодня получается одна – промысел, проще говоря – охота.

Вот представь, дорогой читатель: Африка, сафари, джип, штуцер 8 калибра, носорог. Бум-бум! Карашо? Гуд! Это охота? Охота! А вот другая ситуация: Сибирь, декабрь, мороз, путик с капканами 15 км. Лыжи. Вышел из зимовья в темноте в 8 утра и зашел в той же темноте в 8 вечера. Охота? А? Вот то-то и оно... Это скорее работа. Трудная и опасная. А если и охота, то самая что ни на есть настоящая, промысловая, на своем поту, своих ногах, а порою и крови.

И напарник надежный в этой охоте – первое дело. А его накануне отъезда на промысел срочно вызвали в Ханты-Мансийск на аттестацию, будь она неладна. А так как он человек государев, от казенного ведомства, то собрался в пять минут – да и на вертолет. Столько вроде было споров, сборов, разговоров об охоте и – бац! Натe – один.

Но Романыч – человек настырный, решил, как отрезал. А один так один! Не раз приходилось и одному осеневать, бывало и по два месяца, кроме верных лаек, ни одной души рядом. Заправил с утраца свой старенький «Бурашек», как ласково он называет снегоход еще того, советского, выпуска, прицепил сани-самоделки со скарбом, попрощался с родными,

перекрестился на родные ворота – да и тронул. Собачек, первых помощниц своих, не взял, так как снега уже много, а по лыжне бегать да харч проедать ума много не надо. А надо сказать, что ехать ему на свои уголья по реке – благо застыла по морозам – но далеко, считай, за сотню верст. Так ведь сам себе в предгорьях Уральских уголья и выбирал, никто, как говорится, не неволил.

Вот, кажется, чего проще – на охоту уехать. Ан нет, дорогие мои, тут особая, так сказать, песня. И снегоходы в полыньях топили – река-то горная, своенравная, и сани, а на них... Ладно бы рюкзаки-спальники там какие, а собачки привязаны, так в воду, вместе с санями... Сам-то еще скатишься, да отползешь, а вот... А в наледях сколько мучений. Благо по всей реке избушки да балаганы рыбацкие понаставлены. На следующий-то день, конечно, все добро свое повытаскиваешь березовым воротом, да только... Нет, дорогой читатель, что-то я совсем о грустном, давай-ка мы ближе к Романычу.

А что Романыч? Приехал наш Романыч! Ни шатко ни валко ехал, да и ехал с мыска на мысок, где по бережку, где по закраинке полыньи да и приехал на уголья свои без всяких поломок и приключений, и в избушке родимой уже печку сушняком еловым топит да чай смородиновый из термоса попивает.

И надо было видеть, как же они с избушкой радовались-то друг дружке, ну чисто мать с сыном. Он ходит по избе, бревнышки её поглаживает да похлопывает, тенотки смахивает, мох по углам подтыкает да разговоры с ней всякие разговаривает, а она поскрипывает, потрескивает, вздыхает, словно жалуется да слезы по стеклу оконному в три ручья льёт, вот как оба-то за год пососкучились...

В остатке светового дня быстренько наладил Романыч свой немудреный охотничий быт: дровишек напилит, водицы с ручья принес, приготовил ужин, включил приёмник ВЭФ, тот, советский (сейчас-то все китайские, так китайцев своих только и ловят), лампу запалил керосиновую и поставил посреди стола бутылку «Кедровой». Так в думках да раздумках под вздохи родной, все понимающей избушки и прошел вечер таежника.

А подумать есть о чем. Много непонятого стало в окружающей его жизни. Люди, коих знал десятки лет, изменились почти до неузнаваемости. Нажива да корысть в каждом поступке на первом месте стали. Ну тут каждый сам себе, как говорится, и судья, и ответчик, а свою совесть Романыч прогибать не собирался. Нет, тут другая заботушка его печалила.

Беда ведь с тайгой-то. Ладно бы от божьей искры пожары, так ведь и сами стали поджигать, чтобы осенью самим же и выхлестнуть опаленный кедрач да деньгу заработать. А с животиною что? Пролетят на «Бомбардирах», да на «Ямахах» неизвестно кто по твоим же следам да угольям, по долинкам кормовым, где лоси-олени зимуют, да всех с одного захода и положат из прицелов лазерных под самую весну-то. Как-то встретил таких – кто, откуда? Не поймешь – все в масках. Примчались на своих импортных конях через перевалы, спрашиваю: «Откеля будем, сердешные, как отыскиали места заветные?». «А вот по джиписэкам», – отвечают. Посмотрел, а это приборчик такой с ладошку, как компас, но электронный какой-то. А оружия-то у них сколько?! Армию можно вооружить!

А почему такой произвол в тайге? А потому что охраны никакой нет. А ведь была, была егерская-то служба при ругаемой власти и всех браконьеров в окороте держала. И лоси к деревне приходили, и куропаток на огородах силками ловили. Сейчас все это – только в прошедшем времени.

Как заступила в свои права губернаторша, так по распоряжению свьше и сократила всех егерей и охотоведов, вот тут и полезла в леса нечисть всякая.

Много ли времени надо опытному охотнику, чтобы поднять и зарядить капканы на годами хоженных путиках? За одну неделю пустил в работу семь маршрутов, по 15 км каждый. У промысловиков они путиками называются. И даже сподобился поймать пару соболюшек. А в капканном промысле что главное? А чтобы приманки было в достатке. А соболя-то, соболя в этом году!

Идет Романыч по своим сопочкам-притопочкам и душой не нарадуется! Вот что значит – быть в прошлом году, да и в нынешнем, урожаю кедровой шишки – результат налицо! И слава Богу! Давненько такого не случалось, как-никак это прибыток в дом, а не из него, что чаще всего и бывает у охотников.

Всю неделю стояли ядреные, под 35 градусов, морозы. Вроде и холодно, а снегу подсыпает. Как ни проснется Романыч, а 3-4 сантиметра добавилось, уже и по колено, так что пришлось ему вставать на свои лыжи самодельные широкие, лямпами их манси называют, это в общем-то для любого охотника-промысловика дело привычное.

Проверив с утра путик и сняв соболя, явно тобольского кряжа, Романыч на всех парусах полетел к своей избушке по проторенной лыжнице. И тут на заросшей мелким тальником болотинке, его лыжню пересек осыпающийся след сохатого. Нет, вы можете представить – осыпающийся?! Вот тут-то он и задумался...

И потропить вроде как охота, и погодка самая та – невзрачная, снежок с ветром, и лицензия есть, а вот со временем не густо: два-третий час, а в 4 уже смеркается, декабрь как-никак. «А, была не была, рискну, уже с лета дома ни кусочка мяса. Авось повезет. В рюкзаке все необходимое есть – котелок, топорик и оселок, и обойма запасная, ну и спички, так что, если затемняю, не пропаду», – снимая лыжи, решил Романыч. Пешочком-то скрадывать зверя куда надежнее – ни скрипа тебе, ни шороха. Ну и пошло-поехало.

А лось как шел, пощипывая тальники, так и идет, и знать не знает, и ведать не ведает, что вызвал своей персоной жгучий гастрономический интерес. А тут еще и снежок загустел – все в масть, думал Романыч, полукружьями идя по следу. А зверь, он и в Африке зверь, идет по самым непролазным местам – торфяным буграм, тальниковыми зарослями да гнилыми ручьями. Так проползли они километра четыре, и стало у Романыча закрадываться беспокойство: местность абсолютно незнакомая, а обратно по своему следу, уже задутому на буграх, засветло выйти не успеваает. Значит, надо бросать это дело, найти хоть какой знакомый ориентир, определиться с направлением и топать по прямой в зимовье. А снег-то все гуще и гуще.

Смеркается. И вдруг где-то в подсознании Романыча мелькнуло: а ведь этот распадок ему вроде как и знаком. «Если по левому рукаву, то выйду на старую оленеводческую стоянку, а значит выберусь», – думал Романыч. В тупике болота, на котором эта стоянка, должна быть его лыжня, а по ней, как по проторенной тропинке, и до избушки. «Да, устроил ты себе, Рома, экстрим. Бег, так сказать, с препятствиями под старую задницу... Лишь бы не ошибся, сколь таких вот распадков в жизни-то повидал», – размышлял охотник, обходя очередное болотце, и замер... Стоит! Стоит красава! В березовом колочке, голову рогатую поднял и слушает. А что услышишь, когда ветер-то уже кнутом насвистывает.

Всякого оружия за свои 48 лет подержал в охотничьих руках Романыч: и «вепри», и «сайги» и «К-44» – «коопзверопромхозовский», а лучше, чем короткоствольный «тигр», который держит уже с 96-го года, не признаёт – настолько крепкая и надежная машина. Одного выстрела со 150 метров хватило, чтобы коронованный сохатый подломил колени и рухнул. «Да, действительно, красавец. Ты уж прости меня, волка безродного, что забрал душу твою. Уж так жизнь устроена, милый. Может, и меня из космоса сейчас кто-то вот так же выцеливает...» – размышлял Романыч, глядя на черную горбину носа лесного великана, слепо уставившегося в серое небо индевеющим зрачком.

Ладно. Время. Лирика лирикой, а надо делом заниматься. Когда Романыч выпустил внутренности животного, уже действительно темно. Идея обдирать зверя при отблесках костра, мокрющему от пота, да еще на 30-градусном ветру, его не прельщала. Как-то сам собой вспомнился рассказ Джека Лондона, как где-то на Аляске охотник вот так же добыл лося, и чтобы не замерзнуть, взял да и залез в его утробу. Там он вроде как отогрелся ну и уснул. А лось-то за ночь застыл, застыли и ребра, которые он свободно раздвинул, забираясь внутрь... Брр... Нет уж... Надо выбираться. И чем быстрее, тем лучше. Завтра приедет на снегоходе и все сделает красиво, а сейчас только вперед. Движение – жизнь в самом что ни на есть прямом смысле.

И память не подвела старого охотника: уже в сумерках он все же отыскал стоянку оленеводов и почти в полной темноте вышел на болото, в конце которого было его спасение. Наверное, это болото показалось самым длинным в его жизни. Километр чистого пространства он двигался в темноте, как в тумане, с какой-то внутренней уверенностью, что идет правильно. Падая и оступаясь, он скорее тащился, чем шел, вспоминая, как утром в самый последний момент передумал надевать легкие сохны – охотничью обувь из кожи, сукна и войлока, а натянул резиновые с металлическими шипами и капроновыми голенищами бахилы.

Наверное, любой каторжанин прошлого века, посмотрев на него, радовался бы своим кандалам, так как провалившаяся в болото нога на 30-градусном морозе моментально становилась пудовой гирей изо льда и снега. Будь он сейчас в сохнях, давно бы уж не чувствовал своих застывающих мокрых ног, а так, подтаскивая поочередно «гири» к ближайшей сосенке, он с двух-трех ударов разбивал их и шел с редкими остановками дальше. В принципе торопиться уже не было смысла. Сейчас перед ним стояла задача сохранить силы и дойти до своей лыжни. «Даже если будет совсем худо, заползу в лес и разведу костер, благо есть топорик и спички, а там все в руках Божьих», – размышлял Романыч, с трудом передвигая одеревенелые ноги. И тут он наступил на спасительную твердь своей лыжни.

В полной темноте, оступаясь то влево, то вправо, спотыкаясь и падая, основательно задубев, он прошел по лыжне еще шесть километров и сплошной ледяной глыбой ввалился в свою избушку, в которой было еще относительно тепло. В один присест влив в обезвоженный организм полчайника холодной воды, он снял с лампы стекло и полез во внутренний карман за спичками. В свете налобного фонарика Романыч, наверное, с минуту смотрел на лежащий в его застывшей ладони коробок спичек, тот самый, на который сегодня поставил свою жизнь. А это был не коробок, это была мятая сырая бесформенная лепешка... Какой-то горький комок застрял в горле охотника, он даже не мог и вспомнить того момента, когда достал из рюкзака и положил для пущей надежности под самое сердце эту

коробочку последней надежды. Он благодарил Бога за то, что не оставил, не бросил на погибель. Кто-то утверждает, что Бога нет. Нет для того, кто в него не верит. А Романыч верил. Верил в высшую справедливость, и ему этого было достаточно, чтобы жить в согласии с собой и окружающим его миром.

Поздний вечер. Уютно посапывает печурка. По приемнику весело заливается Надя Бабкина. При желтом свете керосиновой лампы Романыч на пялке не спеша мездрит шкурку соболя. На душе его светло и покойно... А за стеною избушки на еловых жердочках лежит аккуратно сложенное мясо сохатого, которое привез сегодня на своем «Бурашке». Кстати, он никогда не пользовался в лесу санями, а вывозил мясо прямо в лосиной шкуре, снятой вместе с ушами. Сложив куски мяса в шкуру, он зашивал ее по животу веревкой и, продев в ушные отверстия фал, цеплял её за снегоход. Вот так, в одиночку, он и вывозил мясо к избушке из любого бурелома.

Когда он выехал на то самое болото и по своим следам летел на снегоходе к ждущей добыче, то как человек наблюдательный отметил какие-то черточки с боков от своего следа. Такое чувство, будто как прутиками чертили по снегу. «Да, наверное, зацепился в темноте, вот от этого и черточки», – хоть как-то объяснил сам себе Роман.

И откуда он мог знать, что это Боженька, который видит всё и всех, послал ему этого лося. И не самку или бычка, сеголетка какого несмышленного, которых он, Романыч, и стрелять бы не стал, чисто из-за своей жалости, а девятигодовалого хору, у которого сынов и дочек по всей этой лесной округе столько, что и не сосчитать. Что это Боженька в самый последний момент его переобул, зная, что ждет впереди. Что это Боженька, видя его тяжелое положение, отправил ему ангела-хранителя, который и сидел у него на плече, и вел его по лесам и болотам в полной темноте, и это его крылья чертили по снегу. Что это Боженька с самого рождения помогает ему во всех его, Романа, начинаниях, а он особо даже и не задумывался о первоисточке своей жалости, а точнее любви ко всему живому. Он просто знал, что всегда будет бережно и уважительно относиться ко всем встреченным на своем жизненном пути и свято верить в высшую, его, Бога, справедливость. Брать от Природы столько, сколько необходимо для жизни, и стараться успеть отдать ей как можно больше. Да, конечно, он многого не знает, а порою просто и не понимает в современной нанотехнологичной жизни. Но одно он знает точно, что рано или поздно канут в небытие и комаровы, и мышкены-норышкины, и медведевы, и он сам, а комары, полёвки и медведи все так же будут украшать его тайгу, и его родной внук будет так же хранить этот зеленый мир, как хранили все его предки, а потом и его внук...

А снежок все подваливал да подваливал, укрывая бескрайние леса теплой шубой, выдавливая наледи по километровым плесам реки и радуя своим теплом боровую птицу. «Надо бы в поселок с добычей выбираться, семью накормить да друзей-соседей мяском угостить. А родни сколько? Пусть понемножку, а всем». Он всегда радовался как ребенок, когда была у него возможность с кем-то поделиться или помочь: рублем, делом, словом. Любому – ближнему, дальнему, воробью или мальку в обсохшей луже...

«Вот только расстояние-то ох не пустячное, – уже почти засыпая, думал Романыч. – Ничего, выберусь. Обязательно выберусь, с Божьей-то помощью все по плечу»... «По плечу, сына, по плечу», – шептала, убаюкивая его, родная избушка.